



Помню и требую
1915-2015

100-лет геноциду армян в Османской империи

Дорогие друзья! 24 апреля 2015 года армяне всего мира вместе со всем прогрессивным человечеством отметили столетнюю годовщину геноцида армянского народа в Османской Турции. На фоне сегодняшних политических событий ответственность Турции за геноцид армян относится к ключевым вопросам правосудия.

С признанием ответственности государства за геноцид прямо и непосредственно связан вопрос о принятии мер по ликвидации тяжелых последствий.

Сегодня Турция всячески пытается уйти от ответственности за содеянное, помешать подведению логической черты под прошлым и строительству новых цивилизованных отношений в будущем.

Мы не раз обращались к теме геноцида армян, и сегодня, спустя сто лет, на страницах нашей газеты продолжаем проект «Помню и требую». Эти слова стали девизом всех мероприятий, посвященных 100-й годовщине геноцида армян в Османской империи 1915 г., а символом—эмблемой цветков незабудки.

Цель нашего проекта — публикация малоизвестных документов, свидетельств очевидцев, которые, на наш взгляд, не только еще раз подтверждают ответственность турок и Турции за содеянное, но и способствуют торжеству права и справедливости, устраняют возможность рецидива, расчищая путь к нормализации отношений на основе норм международного права.

Дорогие читатели! Если у вас в домашних архивах сохранились документы, фотоматериалы, письма, дневники, повествующие о тех трагических событиях, просим вас предоставить их нам для публикации, чтобы сделать их достоянием общественности, тем самым внести свой личный вклад в дело признания Турцией величайшего преступления против человечности.

Проект «Помню и требую» в нашей газете продлится до конца 2015 г.

Листая страницы прошлого

(Начало в № 6 (225))

21 июля 1915 года штаб нашей бригады выступил из Вана. Перед самым выступлением я заехал верхом к знакомому мне армянскому дому, чтобы узнать, ушли его хозяева или нет. Недалеко от порога белела куча свежих куриных перьев. В домике была тишина. Двери были раскаты. «А может старик остался дома, — подумал я, — и лежит где-нибудь, забившись в угол?» Я оставил на дворе коня и вошел в комнаты. Осмотрел закоулки, старика нигде не было. В комнатах был беспорядок, свидетельствующий о торопливых сборах. Возле дверей в углу стояло ведро с питьевой водой. На столе валялся нож и начищенный картофель, который не успели сварить. На этом же столе стояла небольшая икона Богородицы, как видно недавно снятая со стены. Может быть, женщины хотели взять ее в дорогу. А может, они горячо молились, целовали ее и просили заступничества. Я перешел в другую комнату. Здесь тоже все было опрокинуто и разбросано. Курица-наседка поднялась из гнезда, находящегося под кроватью, и беспокойно начала квохтать. Она была на привязи и, казалось, хотела пить. Перед гнездом лежало сухое замусоленное блюдо. Я вытнул из-под кровати розовое гнездо и увидел в нем с десяток копошащихся цыплят. Но там были еще и целые яйца. Мои мысли мгновенно перенеслись домой, и я вспомнил детство. Как я любил пересаживать из гнезда в сито вылупившихся цыплят. Как они ласкали наши детские взоры и радовали нас своим нежным пухом и тоненьким писком! Я налил в блюдце воды, перерезал шпагат, которым была привязана наседка, и развязал шпагатный узел на ноге курицы, т. к. знал еще с детства, что забытый на куриной ноге узел калечит ей ногу. Желтватые комочки копошились в гнезде и своим слабым писком возвещали о могуществе творческих сил природы. О жизнь неугасимая, как же ты многообразна, красочна и живуча!

Население покидало город. На ручных тачках тащили люди свои пожитки. Изредка можно было видеть нагруженного осла. На пороге раскрытой калитки одного двора сидел на скамейке с опущенными костылями седой старик. При виде нас он перекрестился и приветливо помахал нам рукой. «Русастан, Русастан!» — говорил он тоскливо.

Когда мы выбрались из города, то увидели, что вся дорога, насколько ее охватывали глаза, была покрыта отступающими беженцами. Изредка между беженцами были вкраплены и отступающие войсковые части. По дороге катились двухколесные допотопные арбы, четырехколесные повозки, ручные тачки; изредка попадались и рессорные коляски. И шло пешком великое множество перегруженных узлами людей. Тут были старики, женщины, матери с грудными детьми и детьми разных возрастов. Некоторые женщины привязали своих маленьких детей у себя за спиной, чтобы освободить руки, в которых они

держали узлы и сумки. Некоторые семьи вели коров, через спины которых были переброшены мешки с вещами. Дети плакали, просили пить, а родители не могли опуститься к речке, так как для этого надо остановиться, сойти с дороги, отстать от группы или от своих родственников...

Заночевали мы в знакомом нам селении Джаник. Всю ночь не прекращались гул и шум — это шли беженцы. Те люди, которые в состоянии были двигаться, шли дальше, невзирая на ночь. Другие же, обремененные тяжелым грузом и изнуренные, останавливались на ночлег. Странное дело: когда мы выходили из города, то как будто в нем никого из населения не осталось, а теперь оказалось, что и позади нас двигался нескончаемый человеческий поток; он не прекратился и утром. Вероятно, в эту человеческую реку вливались беженцы и из попутных армянских селений.

22 июля мы прошли из Джаника в Бегри-Кала. Все время нашего отступления мы ехали шагом, то есть с такой же скоростью, с какой двигался поток беженцев. Часто казаки слезали со своих лошадей и шли пешком, а на коней сажали обессиленных армянских детей. Сидели слабые беженцы и на наши двуколки. Бригадный врач добился распоряжения, чтобы наши казаки и обозные оказывали беженцам посильную помощь. В Бегри-Кала ночлег был таким же беспокойным, как и в предыдущем селении. Люди громко перекинулись, отыскивая своих попутчиков или родных. Обнаруживались случаи, когда родители теряли своих детей.

23 июля мы проехали от Бегри-Кала до Баязет-Ага. Примерно на полпути я случайно встретил (вернее, не встретил, а нагнал) своих ванских знакомых. Из Вана они вышли почти на сутки раньше нас, но они шли пешком, а я ехал верхом, поэтому они изнемогали от усталости, а я никакой усталости не чувствовал. Как они мне обрадовались! Женщины — мать и дочь — при этом всплакнули. Левон, оказывается, растер себе ноги и еле передвигался. Я усадил его на своего коня, а сам пошел пешком. Часть их узлов, наиболее тяжелых, мне удалось положить на наши двуколки. За двое суток ходьбы они с непривычки так изнемогли, что даже с облегченным грузом не могли поспеть за нами. Я им объяснил, что буду ждать в Баязет-Ага.

Вечером по приезде в Баязет-Ага я разыскал свою писарскую команду, от которой отстал, помогая армянам. Потом я стал ходить по огромному армянскому табору, чтобы разыскать Майрам с родителями и сдать им Левона и узлы. Сперва мои поиски были тщетны, просто потому, что эти люди еще не подошли. Я остановился там, где живая людская лента вливалась в табор, и старался не проглядеть ни одного беженца. Примерно через полчаса ожидания мои знакомые подошли. Выбрали место для ночлега. Я повел Майрам к месту расположения нашей ко-



манды, чтобы отдать ей брата и узлы. Тут к нам подошел армянин—дружинник, заговорил мне дорогу, и когда я попытался его отстранить, он выхватил свой револьвер и угрожал, стал кричать. Я тоже вынул револьвер и начал на него кричать. Мы кричали один на другого, он по-армянски, а я по-русски, конечно, не понимая друг друга. По его жестам я догадался, что он заподозрил меня в неблаговидных намерениях по отношению к Майрам. Но в спор вмешалась Майрам и успела объяснить своему неожиданному защитнику, куда и зачем я ее веду, и он, успокоившись, отвызался от нас.

24 июля наша штабная команда прошла из Баязет-Ага в селение Гавришами. Утром перед выступлением я сходил к тому месту, где остановились мои знакомые, но их там уже не было. Можно было думать, что они уже двинулись дальше. Я так и подумал, и порадовался этому предположению. Однако на протяжении всего дня я нигде на дороге их не заметил. Не могло быть, чтобы они, усталые и перегруженные, шли быстрее, чем мы ехали.

В Гавришами нам объявили двухдневную остановку. Только на следующий день, 25 июля, в полдень добрались мои знакомые до Гавришами. Я их не нашел вчерашним утром потому, что они переменили место ночлега. Устали они чрезвычайно. Продукты у них были на исходе. В первую встречу на дороге я видел у Майрам узелочек с книгами: она мечтала в России про-

должать учебу. Но теперь из книг у нее осталось только крошечное Евангелие. Старики совсем упали духом и выбились из сил. Они не верили, что доберутся живыми до России. Я дал им на дорогу хлеба, сахару и немного денег. Переночевав в Гавришами, они отправились дальше. А мне стало грустно. Что их ожидает в нашей русской Армении: батрачество за кусок хлеба у своих собратьев, или нищенство, или голодная смерть?

Пришло известие, что курды в нашем тылу напали на отступающих беженцев, перерезали им дорогу и некоторых убили. Трех наших сотням было приказано вернуться назад в Бегри-Кала. Поток беженцев прекратился. Навстречу нам попадались только небольшие группы и отдельные семьи, которые прятались в кустах или оврагах от курдов. Они были сильно перепуганы, истощены и слабы. На этом обратном пути нам пришлось видеть следы разбойничьего нападения курдов. Среди убитых были женщины и дети. Армяне—дружинники рассказывали нам, что после нападения курдов, часть беженцев, отрезанная курдами, свернула вправо и пошла в Персию, а часть вернулась в город Ван, где еще оставались русские войска. Так разбиваются на отдельные кучки ночующая в степи отара овец, когда на нее темной ночью нападают волки.

В конце июля Ван был занят турками и курдами. Застигнутое там армянское население было поголовно вырезано курдами.

Тогда я написал очерк и послал в Екатеринодар, в редакцию журнала «Кубанский казачий вестник», и он был напечатан. Я рассказывал в нем не только о нашем пребывании в городе Ван, но и о том, как отступали из этого города армяне—беженцы. Теперь я описал это народное бедствие скупо, потому что многое мною позабыто. Романисту хватило бы материала не на одну тысячу страниц, а историк все это отметит одной строчкой. Сколько горя, слез, мучений и крови — и все это на страницах истории займет только одну строчку! А может и одной строчки не будет. Перемерут много страдальцев участники и свидетели этой трагедии, и все будет позабыто. А у меня и теперь содрогается сердце, когда я вспоминаю и зрительно представляю себе эту огромную потрясающую картину народного отступления. Своё спасение армяне видели только в России. И когда перед ними встала опасность поголовного истребления, они пошли в Россию. Пошли многие, но не все. Некоторые остались по разным причинам: одни не успели выбраться, другие не хотели покинуть престарелых родных, третьи были больными; прибились в город немало беженцев из армянских селений. И все эти несчастные погибли.

Большое алашкертское наступление турок, происходившее в июне и июле 1915 года, было ликвидировано, и мы опять потеснили турок на юг. Наш отряд генерала Николаева, находясь почти на самом конце левого фланга Кавказской армии, все время был в стороне от важнейших событий Кавказского фронта. Почти каждый день где-нибудь на фронте происходило сражение, лилась кровь, погибали люди.

17 августа мы приехали в Кызыл-Дыз, а 18 августа меня отпустили в город Эриван для сдачи экзамена на получение прав вольноопределяющегося второго разряда. Двадцать пять дней, представленные нам для подготовки к экзаменам, прошли как-то незаметно и быстро. В городе я видел много армян—беженцев. И в одиночку, и группами сидели они под заборами и стенами городских домов грустные и, по-видимому, голодные. Я присматривался к этим горемыкам, надеясь увидеть ту знакомую мне армянскую семью, которой я помогал в дороге. В моей душе рождалось беспокойство и горечь при мысли о том, что прекрасная девушка Майрам не встретит добрых людей и погибнет. Но сколько я не всматривался в изнуренные лица беженцев, а знакомого и желанного лица так и не встретил. Да иначе и быть не могло. Это все равно, что выискивать пшеничное зерно в стопудовой куче зерна ржаного.

А может, случилось нечто маловероятное: может быть, она нашла добрых людей, вышла замуж, приобрела друзей и нянчит теперь внуков в каком-нибудь селе или городе Советской Армении. Могло ведь и это случиться!

К публикации подготовила
Беатриче ХАЧАТУРЯН